

С. АДРИАНОВ

Критические наброски

<«Чертова кукла»>

Обширная беллетристическая литература, вызванная нашей революцией и ее ликвидацией, пополнилась еще одной повестью. Это — «Чертова кукла» З. Н. Гиппиус, «жизнеописание в 33-х главах», печатавшееся сначала в «Русской Мысли», а теперь вышедшее отдельным изданием. В свое время я отмечал ряд романов этой категории. Произведения Ропшина, Арцыбашева, Вересаева, Миртова, представляя далеко неодинаковую ценность с художественной точки зрения, были, однако, все весьма любопытны и поучительны, как человеческие документы, как искреннее, выстраданное и углубленное изображение сложной психики яркого и напряженного исторического момента, исполненного трагических перебоев, великодушных надежд и горестных срывов, пламенной веры и беспросветного отчаяния, самоотверженной любви и жгучей ненависти. Вдумываясь в эти произведения, то убийственно меткие, то односторонние и несправедливые, подсказанные горечью разбитых упований, мы научались отчетливее понимать сущность пережитой трагедии, получали ключ к тайнику психологической подоплеку случившегося за последние годы; перед нашим сознанием вырисовывались роковые причины тяжкой неудачи и неперемные условия успеха.

В этом смысле повесть З. Н. Гиппиус ровно ничего нам не прибавила. И не потому, чтобы она подошла к своей теме с какими-нибудь предубеждениями или пристрастиями, не потому, чтобы любовь к одному ряду явлений и ненависть к другому привели бы ее к искажениям дифирамбического или памфлетного свойства. Это была бы не такая большая беда: страстность ведь не только делает человека слепым по отношению к известным сторонам стоящего перед ним явления — она вместе с тем делает его особенно остро зрячим по отношению к другим сторонам

и помогает осветить их с особой яркостью и рельефностью. Пусть пропорции нарушатся, пусть второстепенное выдвинется в центр, а центральное останется в небрежении: более спокойный читатель восстановит нарушенные пропорции, но исступленный художник, несомненно, раскроет ему глаза на некоторые свойства явления, дотоле совсем незамеченные или недостаточно оцененные. Вот этой-то страстности в повести З. Н. Гиппиус совсем нет. Наоборот, писательница воспринимает жизнь как-то слишком со стороны, относится к ней как будто даже пренебрежительно, с полной незаинтересованностью, с холодком и потому поверхностно. Под ретушью З. Н. Гиппиус блекнут яркие краски действительности, мельчают линии, сглаживаются рельефы; люди становятся незначительными, искания их — бессодержательными, поступки — неинтересными. Автор перебрал все, о чем за последние годы говорили и в печати, и в разных обществах, и в публике. Тут и революционеры разных оттенков, растерявшиеся после краха революции, тут и провокаторы, и богоискатели, и сектанты, и писатели, и проститутки, и Санины, и т. д. Ко всем типам и вопросам подошел автор, все потрогал — и прошел мимо, бросив обо всем по несколько слов, ничего не характеризующих, всегда скользящих по периферии явления, никогда не затрагивающих его сердцевину. При такой манере относиться к жизни получается уже не искажение ее реальных пропорций, а полное упразднение всего ее содержания. Русская действительность под пером З. Н. Гиппиус превращается в какой-то нудный свищ с начисто выгнившим ядром, а русские люди — в бестолковых психопатов или растерянных недоумков, которые попусту празднословят, мечтают, совершают глупости, гнусности и даже преступления, вместо того, чтобы заняться каким-то единственным стоящим внимания делом, секрет которого мудрый автор, по-видимому, знает, но оставляет про себя, изредка только и нехотя бросая туманный намек и сейчас же останавливаясь: «Не стоит, дескать, и говорить, — все равно не поймете».

В самом деле, стремление к яркой общественной работе, к преобразованию социальных условий жизни кажется автору выдохшейся сказкой, за которую цепляются либо дети, либо раздавленные колесом истории неврастеники, либо, наконец, негодяи-провокаторы. Кто крепче, почестнее и помышленнее, тот либо совсем уже порвал, либо готов порвать с революцией (в иных формах вопросы общественные автору не представляются), и ушел — куда? Неясно. Представители художественных и научно-философских исканий воплощаются автором в виде карикатурных разжиревших поэтов и вертлявых, искательных перед публикой

приват-доцентов. Представители религиозных запросов изображаются с косноязычной речью, темной, клочковатой мыслью, с внутренней пришибленностью или юродством. Все персонажи перечисленных разрядов, вместе взятые, не стоят, во всяком случае, мизинца главного героя романа, студента Юрия, который есть не что иное, как еще один вариант Санина.

Ему в высокой степени наплевать и на революцию, и на религию и всякие такие серьезные материи. Он просто желает жить в свое удовольствие, срывать всевозможные цветы наслаждения, не стесняясь никакими моральными соображениями и снисходя к роду людскому лишь настолько, чтобы не делать ему пакостей, не обещающих никакого удовольствия. Разумеется, Юрий неотразимо обаятелен, ни одна женщина перед ним устоять не может, и главное его занятие в том и состоит, чтобы предаваться утехам любви. Он не брезгает ни горничной, ни проституткой, не стесняется брать у последней деньги сотнями, чтобы проигрывать их в клубе. Словом, это настоящий сверхчеловек в российском опошлении, столь крепко засевавший в нашей литературе и зажившийся в ней как будто уж слишком долго. Так вот этот-то господин и оказывается в повести З. Н. Гиппиус и умнее, и содержательнее, и энергичнее, и во всех вообще отношениях выше и лучше всех прочих героев и героинь. Но и к этой светлой личности автор беспощаден и заставляет в конце концов некоторого обезумевшего революционера зарезать Юрия, по наущению гнусного провокатора. Так, пожалуй, и справедливее: не заслуживает та слякоть, какую рисуется З. Н. Гиппиус русское интеллигентное общество, иметь в своей среде солнцеподобного красавца.

Только кто же, знающий интеллигентную часть русского народа не по одним мелким дрязгам растерявшейся петербургской кружковщины, поверит презрительному пессимизму З. Н. Гиппиус? Если приговор ее и справедлив, то ему подлежит лишь сравнительно небольшая, хотя, быть может, и наиболее крикливая группа, которая никогда не была да и не будет активным двигателем жизни. Мимо нее катится могучая волна бытия и строительства, борений, побед и поражений, а кружковщина только бегаёт по берегу, восклицая, жестикулируя и призывая волну покинуть свое русло и упрятаться в луночки, выкапываемые на прибрежном песке; а так как волна не внемлет и идет по своему широкому ложу, то кружковщина отворачивается от нее с презрением и приписывает ей те свойства, которые присущи как раз маленьким лужицам, застоившимся в луночках... <...>

